

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Кто вдохновлял Валентина Катаева?

Вряд ли многие могли бы похвастаться более причудливыми и крутыми виражами судьбы, чем у нашего признанного земляка, классика Валентина Петровича Катаева. Одно перечисление званий и наград, которых он был удостоен за прожитые почти 90 лет (1897-1986), впечатляет – как количеством, так и удивительным разнообразием. Кавалер двух Георгиевских крестов и ордена Святой Анны 4-й степени и... трех орденов Ленина, лауреат Сталинской премии и Герой Социалистического Труда, боевой офицер, прапорщик российской царской армии и «прапорщик Керенского» (с его слов), раненный и отравленный газом, штабс-капитан Добровольческой армии ген. Деникина, участник белогвардейского подполья и, наконец, военный корреспондент – полковник Советской армии в годы Великой Отечественной войны...

В 1912 году в «Одесском вестнике» публикуются первые небольшие юмористические рассказы юного Катаева. В этом же году отдельными изданиями выходят в Одессе два более объемных его рассказа – «Пробуждение» и «Темная личность». В первом из них описывался отход молодого человека от революционного движения под влиянием вспыхнувшей в нем любви к девушке, а во втором сатирически изображались Александр Куприн, Аркадий Аверченко и Михаил Корнфельд – издатель журналов «Стрекоза», «Сатирикон», «Спрут», «Синий журнал» и других.

Талантливые писатели, авторы лучших образцов классической прозы, как правило, не чужды поэзии, о чем иногда не знают даже увлеченные поклонники их творчества. Как писал поэт

Евгений Рейн («Арион» № 4, 2002), Валентин Катаев, один из лучших русских прозаиков XX века, не выпустил ни одного поэтического сборника. Но стихи писал всю жизнь и в одесских литературных кругах стал известен именно как поэт.

В молодости ему чрезвычайно повезло – его к себе приблизил Бунин, которого он всегда считал своим учителем. Бунинская «традиционность» в сочетании с необычайной зоркостью, скрытым новаторством и поиском единственных интонационных решений, стали на долгие годы путеводным компасом Катаева-поэта. Вот как он описывает выход яхты в море:

П.В. Катаев с сыновьями. 1910 г.

Захватывает дух от крена,
Шумит от ветра в голове.
И за кормою льется пена
По маслянистой синеве.

Е. Рейн однажды спросил Валентина Петровича, почему он так и не выпустил книги стихов. Они ведь нравились Бунину, Мандельштаму, Багрицкому – это ли не путевка в поэзию! Пре-старелый Катаев только развел руками и вымолвил: «Не судьба». Кстати, книга была собрана – в 1926-м. Под интонационно резким названием «Первое, огонь!», напоминавшим о биографии автора, служившего в Первую мировую в артиллерийских частях. Катаев давно уже был знаменитым на всю страну и переведенным на многие языки прозаиком, когда его изумительные стихи на смерть Маяковского появились наконец в его десяти-томнике. В 30-е годы проза оттеснила в творчестве Катаева

Валентин – гимназист старших классов

поэзию, увела ее в тень. Но с началом Великой Отечественной войны он к стихам вернулся. И это были уже другие стихи. Где-то, на глубине, в них еще чувствуются отзвуки бунинских уроков, но голос теперь окончательно свой – и если обнаруживает сходство, то с собственной поздней катаевской прозой, так хорошо всем нам известной. Среди них мы находим подлинные шедевры: «Соловьи», «Могила Тамерлана», среднеазиатский цикл... То есть Катаев был и остался поэтом.

Наиболее содержательная, основанная на скрупулезном изучении биографических материалов и многочисленных встреч автора с современниками, биографами и комментаторами, книга о В.П. Катаеве издана в 2016 году в серии ЖЗЛ сравнительно молодым писателем Сергеем Александровичем Шаргуновым, возглавившим в мае 2019 года журнал «Юность», основанный и долго возглавлявшийся героем его книги. В этой книге, названной «Катаев. Погоня за вечной весной», С. Шаргунов (да и не он один – со слов и записей современников) пишет, что «Валька бегал за всеми девочками в Отраде». Известны имена тех, кому он посвящал стихи: Тася Запороженко, Мара и Мила Булатович, Люля Шамраевская и, конечно, Ирен Алексинская, о которой следует говорить отдельно. Первое свидание пятнадцатилетний Валя назначил знакомой четырнадцатилетней девочке. И когда оно состоялось, не знал, что делать. Сводило с ума само сладкое слово «свидание»... «Вечной влюбленности я был подвержен с детства, когда не было дня, чтобы я не был в кого-нибудь влюблен», – признавался Катаев. И он же: «Мой донжуанский

список состоял почти из всех знакомых девочек, перечислять которых нет никакого смысла».

Самые ранние известные рукописи Катаева – стихотворные записи в альбом Тасе (Наталье) Запорожченко 1912 года, сестре его товарища Женьки «Дубастого», которые жили в Отраде по соседству.

Я грущу в эти вешние дни...
Милый друг, успокой же меня...

Или:

Был я мал и глуп, когда впервые
Написал сюда шестнадцать строк...
Мне смеялись глазки голубые
И звенел веселый голосок.

В будущем Наталья, как и ее брат, не раз будет гостить у него в Переделкине.

В далекие теперь уже 70-е годы ныне покойный С.З. Лущик познакомил меня с Евгением Ермиловичем Запорожченко, интереснейшим человеком, инженером, художником, краеведом, яхтенным капитаном, эмигрантом, участником французского Сопротивления. Один из героев повести Катаева «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», будучи уже достаточно пожилым человеком, Евгений Ермилович продолжал внешне вполне соответствовать своей необычной юношеской кличке.

А еще намного раньше, в середине 40-х, мне довелось узнать и его сестру Наталью Ермиловну, которая заведовала кафедрой иностранных языков в Одесском мединституте, где я тогда учился. Недавно умерший сын Катаева, Павел Валентинович Катаев, с которым удалось коротко пообщаться в 2015 г., в своих воспоминаниях об отце («Доктор велел мадеру пить...») ошибочно называет ее Татьяной. В альбомах сестер Мары и Милы (Тамары и Милицы) Булатович появляются, сопровождаемые автопортретами и рисунками, стихи юного Вали. Обеим он признавался в любви. Одно стихотворение так и называлось: «Маре

Булатович от влюбленного поэта!!!», а в другом, посвященном Миле, сообщалось:

Я не смогу Вас позабыть:
Довольно Вас хоть раз увидеть –
Чтобы безумно полюбить
Или безумно ненавидеть!

Про Вас пишу не много, Мила:
«Клянусь я разумом осла,
Клянусь слезами крокодила,
Что Мила чертовски мила».

Все это похоже на чепуху, пишет Шаргунов, на подростково-кавалерскую забаву, да и в старости Катаев отмахивался: «Это были пустяки: ленточки из косы на память, письмецо на голубой бумаге, стишки в альбом: «Бом-бом-бом, пишу тебе в альбом. Хи-хи-хи, вот тебе стихи», но и замечал при этом: «Некоторые мои романчики проходили в очень тяжелой форме, даже с мучениями ревности».

Вероятно, наиболее серьезным надо было бы считать его отношение к девушке с «сиреневым именем» Ирен. Как же много «сирени» в этих стихах и романах поэтов минувшего века! Помните Елену Дю-Буше Гумилева?..

В 1913 году, поменяв множество квартир, после Базарной, 4, где родились оба брата, Катаевы переехали на Пироговскую, 3, Валя познакомился с четырьмя сестрами Алексинскими. Одна, Инна, старше его, «отпала», как пишет Шаргунов, другие, близняшки Шура и Мура, были слишком малы, осталась Ирина, она же Ирен. Ирина Константиновна Алексинская родилась 5 мая 1900 года. Отец – генерал-майор артиллерии, мать – любительница музыки и поэзии. Болезненная девочка, в отличие от сестер, получила домашнее образование, рисовала, писала стихи, играла на рояле – в доме образовалось что-то вроде салона или «кружка поклонников». Сестра Шура вспоминала, что Катаев «влюбился в сестру с первого взгляда». Так это или не так, однако о ней им написано больше, чем о какой-либо другой... Она явилась как прототипом подлой Ирен Заря-Заряницкой в «Зимнем ветре», так

и милейшей Миньоны в «Юношеском романе». И главное – ей посвящены совсем не шаловливые юношеские стихи. А была ли любовь?

Вот, например, сохранившийся отрывок из письма: «Дорогая Ирен! Страшная и жестокая вещь любовь! Она неслышно и легко подходит, ласково целует глаза, обманывает, волнует, мучит и никогда не уходит, не отомстив за себя. Я не знаю, что со мной делается...». Обманывался ли он и обманывал ли ее, как осознал под конец жизни, а по-настоящему любил другую? – задается вопросом биограф.

И.К. Алексинская

На фотографиях Ирен часто прижимает к себе кошек, в ее круглом личике с большими глазами тоже есть что-то задумчиво-кошачье, и Катаев писал о ее «кошачьем язычке». В голодные годы она стала лепить из глины и раскрашивать кошек и диковинных монстриков, которых сестрицы продавали «на толчке».

На одной из последних фотографий 1927 года, где Ирен, уже лежачая, с лицом, как череп, белая кошка поверх одеяла внимательно щурится в объектив... Рожденная в мае, она считала сирень своим цветком. «За то, что май тебя крестил / И дал сиреневое имя...» – писал Катаев, а в другом стихотворении (журнал «Жизнь», 1918, № 1, июнь) объяснялся так:

Твое сиреневое имя
В душе как тайну берегу.
Иду тропинками глухими,
Твое сиреневое имя
Пишу под ветками сквозными
Дрожащим стэком на снегу...

В ее записной книжке было немало его стихотворных посвящений (некоторые печатались в одесских газетах и даже столичных журналах), но она писала и сама. Вот, к примеру, стихотворение «Поэту – от девочки с сиреневым именем»: адресат назван «возлюбленным», но, как кажется, – только для рифмы и размера. Такое впечатление, что ему следовало бы называться «влюбленным»:

Из сиреновой душистой неги
Я сплету причудливый букет
И тебе его в окошко брошу –
Получай, возлюбленный поэт!
Отряхнись скорей от сонной лени
И, вдыхая запах, – вспоминай:
Это та – чье имя из сирени
Сплел тебе, для счастья, звонкий май.

Прапорщик Валентин Катаев. Портрет, опубликованный в журнале «Весь мир». 1916 год

Читая эти стихи, пишет автор, вспоминаешь катаевское наблюдение – в ней было много снисходительного и повелительного, от отца. Губы для выговора, а не для поцелуя... Уйдя на фронт Первой мировой, Катаев попал под протекцию ее отца (служил в его артиллерийской бригаде) и неустанно слал ей письма, несколько раз наведываясь в Одессу с разрешения генерала. В это же время в журнале «Театр и кино» (1916) появляется его стихотворение «К ногам Юлии Шамраевской» (и ей тоже он слал письма из действующей армии).

В 1916-1917 годах он учился в Одесском пехотном училище и снова мог постоянно видаться с Ирен. Потом были очередное отбытие на фронт, ранение, возвращение – порвали они отношения в конце 1918-го – начале 1919 года, и большой вопрос, что их связывало, кроме строчек и рифм («Когда впивая влажными губами мой поцелуй, / Ты вздрогнешь, как лоза...» – сулил он). А что же их развело?

Прежняя социальная иерархия обвалилась. В 1919-м Одесу взяли красные... Потом откатили. В 1920-м вернулись окончательно. Приходилось приноравливаться. Шаргунов задается вопросом: а не был ли этот роман с самого начала выдуманным?

Для Ирен «лишний поклонник», для Валентина – романтика странствующего рыцаря. И сам себе отвечает: «Все-таки, видимо, чувство было, ведь была же тоска несовпадения». Вспоминает же он ночное объяснение, после чего, отвергнутый, до рассвета просидел на берегу моря на шаланде, перевернутой дном кверху:

И ныло от тоски все существо мое,
Тоска была подобна черной глыбе,
И если бы вы поняли ее,
То разлюбить меня, я знаю, не смогли бы.

Или она предпочла ему другого? Он вспоминал про ее «серьезный роман» с его гимназическим товарищем, затем бежавшим за границу...

Ирина умерла от туберкулеза (снова этот коварный туберкулез! – Л. А.), прикованная к постели, 13 октября 1927 года. При последней встрече в начале 1920-х она отдала Валентину пачку его фронтовых писем. В 1960-м Александра и Мария Алексинские вернули Катаеву другие его письма, хранившиеся у покойной. У этого была предыстория – Катаев свел с Ирен счеты в романе 1960 года «Зимний ветер», где всех назвал по именам и внешность бывшей пассии выписал с абсолютной точностью.

Петя Бачей влюблен в Ирен, дочь генерала, барышню с «крупно вьющимися волосами бронзового оттенка» и «серовато-лиловыми глазами», которая «возрастом старше сестер-двойняшек, но младше красавицы Инны». Ее отец расстрелян (в действительности

же – эвакуировался), и она исполнена злобы: «Теперь кончено. Россия должна быть только монархией и ничем другим. А всех большевиков во главе с Лениным надо вздернуть на первой осине». Она стреляет в Петю из дамского револьвера, но мимо, а он – и, кажется мне, пишет Шаргунов, совсем не по идеологическим причинам – «несколько раз с наслаждением и злорадством хлопнул ее по щекам, приговаривая:

– Ах ты дрянь, ах ты генеральская тварь...

Она тонко завывала от боли и унижения и побежала по аллее, закрывая лицо руками. Черная вуаль зацепилась за сучок и повисла на кусте, с которого посыпался иней...». Страстный вымысел уязвленного мужчины – комментирует автор книги.

Отец Ирины, полковник, а затем генерал Константин Гаврилович Алексинский во время Первой мировой командовал 64-й артиллерийской бригадой. Участник Белого движения на Юге России. Эмигрировал в Югославию в мае 1920 г.

В июне 1961 года Валентин Петрович писал в Одессу оскорбленным сестрам Алексинским, принося извинения и заверяя в прежней любви, но как бы даже насмешливо:

«Дорогие «сестры А»! Вы неправы, обвиняя меня в том, что я вывел в своем романе «Зимний ветер» вашу семью. Это недоразумение, основанное на деталях... Ваши имена не столь самобытны, чтобы служить прямым указанием на семью... Вы должны понять, что у писательства есть свои великие законы, которые очень трудно перешагнуть». Звучит неубедительно... Вместе с тем Катаев не раз указывал на несбывшуюся несчастную любовь, которую не мог забыть и которая переплавлялась в литературу.

О ней ли, об Ирен шла речь? Или это другая потаенная любовь? Или это собирательная «горечь прежних любовных неудач»?

В «Юношеском романе» он писал, что в Миньону (Ирен) был влюблен «поверхностно, как бы буднично», а «безнадежно и горько» любил некую Ганзю...

Вместе с тем Валентина Голубовская в 67-м номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» ссылается на статью Е. Голубовского и А. Дроздовского в журнале «Юность» в сентябре 1986 года «Юношеский роман» (Письма Валентина Катаева с фронта

Первой мировой войны, не вошедшие в книгу). Приведенные в ней несколько писем, сохранившихся в доме на Пироговской, 3, где жили в свое время и Алексинские, и Катаевы, не отданные адресату в двадцатых годах. Они заполняют пробелы в этом, как назвала его В. Голубовская, документальном романе. Вот отрывок из новонайденного письма в стихах:

Ирен, я видел вас во сне
И нынче полон только вами,

Как хорошо, как славно мне
Писать о вас, Ирен, стихами!

В своей работе «Флирты Французского бульвара» Алена Яворская пишет:

«Воздух Французского бульвара кружит голову, совсем рядом, за зеленью и дворцами-дачами – море. И девушки в таком обрамлении становятся красивее и возвышеннее, и слова любви легче слетают с уст.

Яркий пример тому – Валентин Катаев, трубадур Французского бульвара. Почти в каждой его повести об Одессе этот бульвар упоминается. Да и как иначе – здесь он впервые целовался. «Я тоже не захотел отстать от товарищей и, замирая от страха, так как еще никогда в жизни не целовался, посвистел Зойке. Она проворно сбежала по лестнице со своего третьего этажа в развевающемся розовом платье и, не выразив никакого удивления, что свистел я, мало знакомый ей мальчик, взяла меня за руку, и мы через узорчатые чугунные ворота, сохранившиеся еще с пушкинских времен на Французском бульваре, побежали к морю, вскарабкались на скользкую скалу, поросшую снизу водорослями и мхом, и, не теряя времени, начали целоваться, причем я был страшно смущен своим неумением целоваться, даже покраснел от стыда, но она не обратила на это внимания». И самая литературная любовь Вали Катаева – Ирен Алексинская – жила на Французском бульваре, 23». (Это как раз напротив дома на Пироговской, 3, упоминаемого как еще один из многих адресов обоих семейств. – Л. А.)

И стихи, написанные об этом доме на Французском бульваре:

И вновь к тебе. Который раз?
Которое звено?
За мигом – миг. За часом – час.
И вот – твоё окно.

И все как прежде. Тот же дом,
И только ночь светлей.
И только свет в окне твоём
От месяца темней.

В этот дом и приходил Валя Катаев – влюбленный гимназист, затем влюбленный прапорщик. Из этого же дома 18 ноября 1918 года он вышел после разрыва, оглушенный горем, и через Французский бульвар спустился вниз, к морю, а позже написал:

Вверху молчали лунные сады,
Прибой у скал считал песок, как четки.
Всю эту ночь у дремлющей воды
Я просидел на киле старой лодки.
И ныло от тоски все существо мое.
Тоска была тяжелей черной глыбы,
И если бы Вы поняли ее,
То разлюбить, я знаю, не смогли бы.

Это он написал в 1918. А через 32 года в «Зимнем ветре» тетя Пети Бачея будет сердито выговаривать племяннику: «Хорош же ты будешь, друг мой, когда твоего милого тещушку благоверное воинство повесит на первом же фонаре на углу Пироговской и Французского бульвара! Кроме того, я совершенно не понимаю, что ты нашел в мадемуазель Ирен? Самая банальная генеральская дочка».

А спустя еще 30 лет, уже через 62 года, в 1980, Ирен-Миньона станет героиней «Юношеского романа»: «Миньона была хороша собой, не слишком, но все-таки... Она была нарядна, неглупа, начитанна, дочь генерала, у нее были *сиреневые* (курсив мой. – Л. А.)

глаза, бронзовые волосы в крупных завитках. Она была склонна к флирту, который называла на английский манер – флерт... Короткий и грустный роман с Миньоной, ее горячие руки, кошачьи глаза в осажденном, лишенном света городе при звуках ночной винтовочной стрельбы и быстрое охлаждение Миньоны, когда она вдруг меня разлюбила, и я всю ночь просидел на берегу моря на шаланде, перевернутой дном вверх».

Несколько лет назад Одесский литмузей выпустил замечательный сборник «Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину» (автор проекта – Лала Алескерова, составитель – Алена Яворская, предисловие – Елена Каракина), герои которого – два знаменитых брата-одессита, писатели Валентин Катаев и Евгений Петров. В основу книги легли письма братьев своим возлюбленным. Книга эта состоит из двух частей. «Влюбленный Валентин» – рассказ о юношеской любви Валентина Катаева к Ирине Алексинской, юной одесситке, «которая вдохновила начинающего поэта на создание стихов, а много десятилетий спустя послужила прототипом героинь повестей знаменитого прозаика». «Влюбленный в Валентину» – Евгений Петров, в отличие от старшего брата, свое чувство отдал одной-единственной женщине – своей жене Валентине Леонтьевне Грюнзайд (Катаевой) (в свое время – первой из трех «адресаток» «Трех толстяков» Ю. Олеси. – Л. А.).

Поди пойми этих поэтов... А кто же такая Ганзя из «Юношеского романа», которую Валентин «безнадежно и горько» любил? Это еще одна одесская муза Катаева, которая в жизни звалась Зоя Корбул. Сведениями о ней мы обязаны Константину Васильеву, профессору-медику, который исследовал ее судьбу, в том числе – в фонде Высших женских курсов в Одесском облгосархиве, и изложил в статье «Римлянка-изгнанница» (1997). Катаев описал ее внешность так: глаза «карие, какие часто встречаются у молдаванок», волосы «темно-каштановые с еле заметным золотистым отливом», невысокая – «неизвестно, как было заложено в меня тяготение к девушкам небольшого роста, как говорилось тогда, «Дюймовочкам». Но любил он ее не за внешность. Он никак не мог описать ее прекрасную неуловимость. Неосуществленное, связанное с ней какое-то обещание счастья томило его всю жизнь.

«Не о ней ли упоминавшийся рассказ семнадцатилетнего Катаева «Весенний звон?»» – вопрошает автор и цитирует: «– Ах да! – развязно восклицаю я. – Христос воскрес! Я и забыл... Все хорошо, но в любви самое паршивое это то, что надо целоваться». Спустя полстолетия тот же автор напишет: «– Христос воскрес, – сказал я более решительно, чем этого требовали обстоятельства, и неуверенно шагнул к ней... – Воистину, – ответила она и спросила, улыбаясь: – Надо целоваться?».

Зоя Ивановна Корбул родилась 6 августа 1898 года в имении своих родителей, расположенном неподалеку от Днестра. Отец – «...дворянин поручик запаса армии Иоанн Георгиевич Корбул и законная жена его Мария Васильевна, оба православные». По семейному преданию, их род брал начало от римского полководца Кобуллона.

Катаев придумал фамилию Траян не случайно, имея в виду Марка Ульпия Траяна – блестящего римского полководца. «Судьба привела меня, наконец, к Траянову валу, где я решил умереть, как скиф, отвергнутый римлянкой».

Зоя училась в известной одесской частной гимназии О.С. Белен-де-Баллю. Он тянулся к девушке и молчал. В 1915-м Зоя поступила на историко-филологический факультет Одесских высших женских курсов. «Хотя она уже была в полном расцвете своей молодости и красоты, курсистка, невеста, а я, хотя и пехотный офицер-прапорщик Керенского, как тогда говорилось, между нами стояла, как в юности, странная прозрачная стена моей молчаливой робости и ее милого равнодушия».

Катаев описал и ее жениха, а потом мужа Сергея Стефанского, дворянина, офицера, спортсмена «с красивым римским носом и сдержанной улыбкой победителя».

Не могу не заметить, что С.В. Стефанский был сыном профессора Вячеслава Карловича Стефанского, заведовавшего кафедрой инфекционных болезней Одесского мединститута еще в пору моей учебы в нем. Умер в 1949 г.

Зоя обвенчалась с Сергеем в 1919-м. Через месяц был крещен их новорожденный сын, а в начале 1920 года с приходом красных они уплыли в Константинополь. В Одессе умер этот их первый и последний ребенок, оставленный на руках у Зои-

ной матери, и был убит Зоин брат-белогвардеец, которого Катаев запомнил «застенчивым гимназистом». В 1963 году Валентин Петрович и Зоя, уже после смерти мужа, встретились в Лос-Анджелесе. «Америка была для меня последней надеждой еще хоть один-единственный раз увидеть женщину, которую любил с детства, а точнее говоря – с ранней юности». Через несколько лет он снова прилетел в Лос-Анджелес и пришел к ней. Запись из 1960-х на обороте визитки, присланной им Зое: «С Новым годом. Неужели у Вас нет потребностей написать мне?».

Зоя и Валентин умерли в один год – он в апреле, она в августе...

А как быть с тем, что в повести «Трава забвенья» она, «маленькая голодная царица», поджавшая «сизые от купания губы», по мнению некоторых критиков, превращается в Клавдию Зарембу, жестокую большевичку. Сомнительно, по-моему. И вообще, трудно поддается разгадке этот повторяющийся на фоне Гражданской войны тревожный образ «девушки из совпартшколы», которая в его прозе то с болезненной тоской, то с ледяной решимостью сдает чекистам возлюбленного офицера – почти как Ирен из «Зимнего ветра», выдохнувшая: «Убейте его, он изменник». Трудно сказать, но одно несомненно – если у Катаева повторяется некий образ, значит, во-первых, кто-то был, а во-вторых, кто-то зацепил...

Сам же Валентин Петрович в интервью А.И. Розенбойму в 1978 г. для «Вечерней Одессы» сказал, что «Юношеский роман» – это не автобиография, а биография поколения... По его собственному признанию, Катаев тайно был влюблен еще в одну одесситку – сестру друга Юрия Олеши Ванду, умершую от тифа в 1919 г., хотя и видел ее мимолетно. «В предсмертном бреде она часто производила мое имя, даже звала меня к себе», – говорил он, со слов Юрия Карловича.

В 1921 г. Катаев вступил в Одессе в первый официальный брак с Людмилой Гершуни. Когда известный краевед, писатель и журналист А.Ю. Розенбойм, встречавшийся и беседовавший с Катаевым, посещавший его в Переделкине, задал ему вопрос об этом браке, Катаев с явным недовольством спросил: «А откуда вы знаете?». И этим ограничился.

Как явствует из архивов, Людмила родилась в Одессе 27 ноября 1901 года. Родители: одесский 2-й гильдии купеческий сын Рафаил Хаймов Гершуни, мать – Эйдля. «12 мая 1921 года в городском ЗАГСе сделана запись о женитьбе Валентина Катаева, 1897 г. р., на Людмиле Гершуни (ГАОО, Р-8085, оп. 1, 223 д. 88, л. 27)» – см. «Дом князя Гагарина», вып. 3, ч. 2, с. 223, Одесса, 2004.

Более она никем и нигде не упоминается. В браке Людмила Гершуни стала Катаевой. По этим же данным... 12 января 1922 года (ровно через восемь месяцев) на основании обоюдного согласия разведены: Катаев Валентин, литератор, и Катаева Людмила, домохозяйка. «После расторжения брака желает именоваться Гершуни».

Весной 1921-го Катаев отправился в Харьков, а в начале 1922-го уехал покорять Москву. По свидетельству Шаргунова, С.З. Луцки и А.Ю. Розенбойм утверждали: «После разрыва с Катаевым она покончила с собой...».

И, быть может, как считает Шаргунов, о ней эти строчки от 1921 года:

Но одной я ночи не забуду,
Той, когда зеркальным отраженьем
Плыл по звездам полуночный звон,
И когда, счастливый и влюбленный,
Я от гонких строчек отрывался,
Выходил на темный двор под звезды
И, дрожа, произносил: Эсфирь!

В Харькове Катаев познакомился с О.Э. Мандельштамом. Н.Я. Мандельштам вспоминает: «О. Э. хорошо относился к Катаеву: «В нем есть настоящий бандитский шик», – говорил он. Мы впервые познакомились с Катаевым в 1922 году. Это был оборванец с умными живыми глазами, уже успевший «влипнуть» и выкрутиться из очень серьезных неприятностей». И далее: «Мальчиком он вырвался из смертельного страха и голода и поэтому пожелал прочности и покоя: денег, девочек, доверия начальства... «Они все такие, – сказал О. Э., – только этот умен».

А Катаева ждала любовь к сестре еще одного приятеля...

Как свидетельствует «Булгаковская энциклопедия», до середины 20-х годов Валентин Петрович дружил с М.А. Булгаковым. Первая жена Булгакова Т.Н. Лаппа писала: «...Леля приехала в Москву... Был у нее роман с Катаевым. Он в нее влюбился, ну и она тоже. Это году в 23-м, в 24-м было, в Москве. Стала часто приходиться к нам, и Катаев тут же. Хотел жениться, но Булгаков воспротивился, пошел к Наде, она на Лельку нажала, и она перестала ходить к нам. И Михаил с Катаевым из-за этого так поссорились, что разговаривать перестали. Особенно после того, как Катаев фельетон про Булгакова написал – в печати его, кажется, не было, – что он считает, что для женитьбы у человека должно быть столько-то пар кальсон, столько-то червонцев, столько-то еще чего-то, что Булгаков того не любит, этого не любит, советскую власть не любит... ядовитый такой фельетон...». Ю.Л. Слезкин вспоминал об этом: «Катаев был влюблен в сестру Булгакова, хотел на ней жениться – Миша возмущался. «Нужно иметь средства, чтобы жениться», – говорил он».

Романтические события в жизни нашего героя причудливо переплетаются, наслаиваются друг на друга, порой совпадая по времени...

...Однажды, еще в 1919 году, некая одесская гимназистка заметила высокого молодого человека, бредущего по бульвару в красной феске и с букетом фиалок в петлице...

Их познакомили.

И там вдалеке у фонтана,
Где дышится всем так легко,
Впервые увидел вас, Анна
Сергеевна Коваленко.

С Анной они поженятся в Москве в 1923-м... Как полагали некоторые – спешно и в отместку Леле Булгаковой. А брак с ней, тем не менее, продлился более 10 лет...

Подробнее об этой одесской музе Катаева. Анна родилась 8 июля 1903 года в Одессе на Коблевской улице в семье коллежского секретаря Сергея Сергеевича Коваленко и Анны Николаевны Филипповой. Изъяснялась на четырех языках, стала художницей.

В 1919 году ее родители слегли с тифом в одну больницу. Отец умер, мать выжила.

За Анной ухаживал брат Ильфа, художник Михаил Файнзильберг (МАФ, Ми-фа). Была она строга, с колючим характером, но он говорил: «Я точно знаю, кто тебе подойдет». У нее было прозвище Муха. Еще ее называли Мусей. Она участвовала в «красном» «Коллективе художниц» и помогала украшать плакатами город. С подругами в 1920-м они замотали кумачом памятник Екатерине, превратив его в своего рода коммунистическую мумию. Брат Сергей, ставший механиком, то и дело выручал провиантом – хлебом, колбасой, сыром – ее друзей-богемцев, как он выражался, «босяков». На вопрос «Как вы революцию пережили?» Анна отвечала: «Танцевали...». Перебраться в Москву ее уговаривали настойчиво... Катаев помогал ей. Она вспоминала: передавал гонорары от одесских публикаций через Бабеля. По многу раз призывные послания в Одессу отправляла тройка друзей – Катаев, Олеша, Ильф.

Из письма Катаева Анне: «Покупай только самое необходимое, остальное устроится здесь. День приезда телеграфируй точно – встретим. Лирическую часть откладываем до встречи. Сейчас торопимся: Маяковский читает новую поэму «Про это» (об отвергнутой любви). Целую лапы. ВалКатаев».

Когда Анна перебралась в Москву, они сразу поженились. В начале мая Катаев сообщал ее матери в Одессу:

«Честное слово, я не знаю, как в таких случаях надо писать, в общем, я женился на Мусе. Как это произошло, я до сих пор не могу как следует понять. Не знаю, известно ли Вам, что года 2 тому назад я был страшно влюблен в Мусю. Муся тоже была ко мне в достаточной степени нежна. Сейчас эта старая нежность развилась с такой силой, какой ни я, ни Муся от себя не ожидали.

Я уверен, что Муся будет мне хорошей женой и добрым другом, а я ее очень люблю. Сейчас мы счастливы всерьез и надолго. Мне хочется быть Вашим нежным сыном – ведь у меня нет ни отца, ни матери. Хорошо?»

«Я привязалась к Вале и люблю его, – в июне писала матери Муха. – Если бы ты знала, какой он милый, он совсем как большой ребенок».

Катаев стал посылать Анне Николаевне шуточные отчеты о налаженности их быта, сопровождая выразительными картинками: ножи, вилки, ложки, щетка, шкаф, кушетка, этажерка, «завел себе текущий счет в Госбанке»... «Теперь, если Вы, мамаша, *хочите* узнать за свою дочку, многоуважаемую Мусю, – юродствовал он, – то *прошу* Вас убедиться в *этом*» (курсив мой. – Л. А.).

И еще: «Мы счастливы вполне, сильнее, чем вчера и позавчера, а завтра и послезавтра будем еще счастливее. Даже удивительно за что нам такое счастье». «Живу под боком у семейного счастья», – вторил Катаеву Олеша.

«Я женился на своей старой любви – Анне Сергеевне Коваленко, в которой нашел доброго товарища и нежную жену», – писал мастер «экспансивных поцелуев» в автобиографии 1924 года. Вскоре он поселил у них Мухину сестру Тамару, приютил надолго и Анну Николаевну.

Временами Анна возвращалась в Одессу. После письменных «сплетен», которые посылал Мухе Олеша, Валентин писал ей: «Да, пью. Иногда. Бутылочки три на всю компанию. Удовлетворена? Ты видишь меня «бледного и с головной болью». Бывает. Особенно, когда получаю твои мучительные письма... То, что я редко пишу тебе, – понятно. Ведь за эти писания мне ни один издатель до моей смерти или юбилея не заплатит ни копейки».

Муха, отчитываясь Валентину о жизни в Одессе, передавала разговоры с «пышной свитой»: «Я узнаю, что я москвичка, художница, богачка, и что у моей приятельницы и у меня «богатый бюст». Кроме того, я узнаю массу интересных новостей о себе, о Москве, о моем муже», – и сообщала, что на пляже к ней подошел

В. Катаев в период брака с Анной Коваленко

Остап Шор: «Я всем ответила, как поживает знаменитый Катаев и когда он придет».

В другом письме жене Катаев давал бой ее тревогам, высмеивая некогда любимую «синеглазку»: «Вчера был хорошенький номерок: у нас была в гостях Леля Булгакова вместе с Татьяной Николаевной Булгаковой. Фурор был необыкновенный. У Лели лупится нос. Она очень толстая, красная, некрасивая и усатая. Она очень хотела посмотреть на тебя хоть одним глазком. Я ей посоветовал специально съездить в Одессу. Лелин визит показал мне достаточно наглядно, что от прошлого не осталось даже пепла. Леля флиртует напрапалу с какими-то летчиками, летает и вообще режется на авиационную даму. Татьяна Николаевна мужительно разводится с Мишунчиком. Сегодня, кажется, Леля уезжает в Киев. Мне бы не хотелось, чтобы ты, Муха, хоть на волосок ревновала. Не надо. Я люблю только тебя. Это как новая экономическая политика – всерьез и надолго».

Катаев и Анна приняли решение забрать к себе Милу – дочь Сергея, овдовевшего брата Анны (Валентин увидел Милу в 1927-м, когда остановились в Одессе проездом из Сорренто, и шуточно предложил ее отцу: «Продай мне эту девочку»). Почти десять лет Катаев воспитывал девочку и заменял ей отца.

«Валя», «Хлебосольная теща и симпатичная Аннушка, безропотная его супруга, всегда были рады гостям», – поделился очевидец. В это время, пишет Шаргунов, Асеев упоминал «Валентина Катаева, печатавшего в «ЛЕФе» свои стихи, которые он потом превратил в прозу», например в 4-м номере «ЛЕФа» за 1923 год была напечатана не самая типичная для Катаева «Война» («Ночь передергивала карты. / У судорожного костра...»), на которую близкий к акмеизму литературный критик из Берлина Вера Лурье отозвалась так: «Честные акмеистические стихи Катаева напоминают Гумилева, сдобренного Пастернаком».

Валентин и Анна расстались в середине 1930-х... Мила-Людмила рассказывает, что однажды летом, приехав в Москву с дачи, теща Анна Николаевна обнаружила в каждой комнате «вертеп разврата», доложила обо всем дачнице-дочери, и будто бы та, будучи «дамой крутого нрава», вопреки всем просьбам мужа с ним немедленно порвала – указала на дверь...

Расставались тяжело, вслед в окно летела медвежья шкура... Основную часть вещей забирал для Катаева Алексей Крученых. Правда, золотое кольцо с бриллиантом навсегда осталось с ней. Она работала ретушером – и родные запомнили ее постоянно согнувшейся над столом. Катаев отдал ей квартиру (тогда уже другую, из пяти комнаток в Малом Головином переулке, 12, куда переехали из Мыльниково). Хотел помогать материально, но она упрямо отказывалась. Стала сдавать половину квартиры молодым архитекторам.

Дочь Катаева Евгения рассказывала, как в 1950-е годы гуляла с отцом, и возле «Елисейевского» магазина он приветливо пообщался с какой-то женщиной, а потом сообщил: «Моя бывшая жена». Дома Женя принялась расспрашивать мать: «У папы была другая жена? Почему же они развелись?». – «Она была жуткая зануда. Что ни случалось, она только и ныла: «Все плохо», «Ой, бедный», вот ему это все и надоело».

Первые два года после развода Анна была совершенно без сил, по выражению ее племянницы, никакая... В 1939-м вышла замуж за верного давнего ухажера, художника Владимира Роскина, оформлявшего советские выставки за рубежом, который в 1919-1922 годах вместе с Маяковским принимал участие в создании «Окон РОСТА». Роскин влюбленно кружил возле с момента ее появления в Москве.

Умерла Анна Сергеевна там же, в Москве, в 1980-м году.

С разрешения племянницы Анны Людмилы Сергеевны Шаргунов публикует такую картину из ее личного архива: «В свои девяносто она, затягиваясь сигаретой и поблескивая бриллиантами золотого кольца, в начале 20-х купленного «Валей», ясно и ярко рассказала, как он развлекал ее стихами и катал на извозчике, водил на Страстной бульвар, где сажал на верблюда, который однажды, чем-то разгневанный, оплевал его с ног до головы. И весь в верблюжьей зловонной и тягучей слюне Катаев бежал с девочкой по бульвару... Отмывшись, сидел в кресле, вытянув ноги к печке, она сидела на его ногах, а он что-то торопливо писал в блокнот...».

«Может быть, эта любовь – как и все в мире – не имела не только конца, но не имела начала. Она существовала всегда». В 1944-м военном году Катаев написал:

Их очень много. Их – избыток.
Их больше, чем душевных сил, –
Прелестных и полузабытых,
Кого он думал, что любил.

Они его почти не помнят,
И он почти не помнит их,
Но, Боже! – сколько темных комнат
И поцелуев неживых.

Какая мука дни и годы
Носить постыдный жар в крови
И быть невольником свободы,
Не став невольником любви...

«Дон-Жуан» (1944)

В 1935 году тридцативосьмилетний Катаев женился на Эстер Давыдовне Бреннер (1913, Париж – 2009, Москва), которая была моложе его на шестнадцать лет. Ее родители, польские евреи, оказались в эмиграции после сибирской политической ссылки. Ее имя упоминается в таких книгах, как «Трава забвения», «Святой колодец», «Алмазный мой венец». Ей, Эстер Давыдовне, также посвящена повесть «Белеет парус одинокий».

Через год в семье Катаевых появилась дочь, еще через два года – сын.

Рассказывая в «Алмазном моем венце» о своем идеале «ослепительной и порочной» женщины, Катаев фактически воспроизвел портрет Эстер в молодости: «Стройная, длинноногая, в серебряных тубельках... поражающая длиной загнутых ресниц, за решеткой которых наркотически блестят глаза... Ее можно видеть в «Метрополе» вечером. Она танцует танго, фокстрот или тустеп с одним из своих богатых поклонников».

В свою очередь, Эстер Давыдовна, вспоминая про знакомство с Валентином Петровичем, говорила: «Он был необыкновенно красив, рыцарствен, галантен, а главное – в каждую

минуту интересен». Эстер Давыдовна, Эста, как называл ее супруг, всегда была эталоном элегантного стиля. У них и в доме не было ни одного предмета, который не подвергся бы ее жесточайшему отбору. Это в полной мере отвечало эстетическому восприятию мира самим Валентином Катаевым, стремившимся к гармонии творчестве и абсолютно во всем, что его окружало...

Дети супругов – Евгения Валентиновна Катаева (названа в честь бабушки, матери Валентина Катаева, род. 1936) и сын Павел Валентинович Катаев (р. 1938), окончил в 1965 г. факультет журналистики МГУ. Учившийся вместе с ним журналист Георгий Громыко характеризовал его как душевного, доброго, компанейского парня. Он был членом Союза писателей СССР с 1971 года. Работал в «Литературной газете», «Литературной России», Агентстве печати «Новости» (АПН). В советское время был известен преимущественно как детский писатель. Краткая встреча и беседа с П.В. Катаевым в 2015 г. в Одессе оставила впечатление о нем как об очень интеллигентном и скромном человеке, пристрастном поклоннике творчества отца.

Однако именно от него стало известно, что в безусловно удачном браке родителей был момент, когда Эстер и Валентин стояли на грани развода, в 1948 году. Основной причиной были нередко случавшиеся запои главы семейства.

В упомянутой выше книге об отце «Доктор велел мадеру пить...» он пишет об этом: «Прекрасно помню момент, когда мама вдруг очень серьезно и спокойно заговорила со мной, десятилетним мальчиком, о возможном разводе с отцом и рассказала, как она твердо и спокойно поставила в известность папу, что забирает детей и уходит, потому что устала и не желает больше терпеть многодневные загулы, непонятных гостей, пьяные скандалы. «А тебе и не надо никуда уходить, – сказал папа, – я больше не пью». Слово свое он сдержал...».

Павел Валентинович Катаев по непонятной причине в 1990-е годы, в отличие от своего отца, даже не был включен в число 245 русских детских писателей XX века в соответствующем словаре. Он умер в Израиле в мае 2019 г. на 81 году жизни.

Зять Катаева (второй муж Евгении Катаевой) – еврейский советский поэт, редактор и общественный деятель А.А. Вергелис (1918-1999).

Внучка Катаева (дочь Евгении Катаевой от первого брака, о котором практически ничего не известно) – Валентина Эдуардовна Рой, журналистка.

Литератор Татьяна Вирта писала, что именно Эстер подходило определение «муза писателя»: она не только создавала мужу условия для творчества, но и «распространяла вокруг себя мощнейшее поле интеллектуального влияния. Книгу «Святой колодец» Татьяна Вирта назвала «гимном любви» Катаева к семье – автор, наблюдая за женой немного со стороны, не устает восхищаться ее деликатностью, преданностью, элегантностью; он припоминает и сложные периоды их совместной жизни, когда чета преодолевала кризисы: «Мы опять любили друг друга, но теперь эта любовь была как бы отражением в зеркале нашей прежней земной любви».

«Это был изумительный брак, – сказала о нем близкая знакомая семьи Катаевых популярная писательница Дарья Донцова. Так что, главной оказалась не одна из немалочисленных одесских, а *парижско-московская муза* нашего земляка, с которой он прожил в счастливом браке более 50 лет...

Валентин Петрович скончался в больнице 12 апреля 1986 года, успев пролистать принесенный женой очередной том собрания сочинений. Он был похоронен на Новодевичьем кладбище. Там же в 2009 году была погребена и Эстер Давыдовна, дожившая до девяноста пяти лет»...

Прожив 64 года своей жизни в Москве и Переделкине, по манерам и речи Катаев до конца жизни оставался одесситом. Русскую и украинскую литературу он узнавал в детстве с голоса родителей во время домашних чтений; на улице слышал идиш и городской мещанский жаргон, в котором были смешаны греческие, румынские и цыганские слова. Язык Одессы в значительной степени стал литературным языком Катаева, а сама Одесса стала не просто фоном для многих произведений Валентина Катаева, но их полноправным героем. Оправдав слова Бунина, предсказавшего ему исключительное литературное

будущее, Катаев прожил долгую насыщенную жизнь, творил и наблюдал литературу нескольких эпох, от Серебряного века до шестидесятничества и перестройки, общался и дружил со многими, без преувеличения, виднейшими поэтами и писателями столетия.

Ко Дню города в 2017 году на одесской Аллее звезд появилась звезда памяти нашего выдающегося земляка.

